

УДК / UDC 342.41
DOI 10.35231/18136230_2021_2_28

Конституционные новеллы в реформе Сената 1802 г.

А. В. Гоголевский, Р. Д. Артамонов

*Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина,
Санкт-Петербурге, Российская Федерация*

В статье рассмотрены конституционные новеллы, содержащиеся в проектах реформы Сената, составленных в 1801–1802 гг. Освещены предложения А.Р. Воронцова, Г.Р. Державина, П.А. Зубова наделить Сенат правом принимать законы, превратив его в конституционное дворянское представительство.

Прослежено обсуждение проектов реформы Сената в Негласном комитете. Очерчена позиция Александра Первого и его ближайшего окружения, выступивших против превращения Сената в законодательную ветвь власти и оспоривших наделение Сената правом контролировать деятельность министров.

Сформулирован вывод, согласно которому реформа Сената, объявленная императорским Указом 8 сентября 1802 г., не содержала конституционных новелл, поскольку их осуществление не входило в ближайшие планы Александра Первого и членов Негласного комитета, стремившихся прежде изменить порядок административного управления империей и лишь затем приступить к разработке и принятию конституции.

Ключевые слова: проекты реформирования Сената, конституционные новеллы, император Александр Первый, Негласный комитет, Указ 8 сентября 1802 г. «О правах и обязанностях Сената», конституционное ограничение самодержавия, законодательная ветвь власти, ответственность министров, прерогативы самодержавного монарха.

Для цитирования: Гоголевский А.В., Артамонов Р.Д. Конституционные новеллы в реформе Сената 1802 года // Ленинградский юридический журнал. 2021. № 2 (64). С. 28–39. DOI 10.35231/18136230_2021_2_28

Constitutional novelties in the 1802 Senate reform

Aleksandr V. Gogolevskii, Roman D. Artamonov

*Pushkin Leningrad State University,
Saint Petersburg, Russian Federation*

The article examines the constitutional novelties contained in the Senate reform projects drawn up in 1801–1802. The proposals of A.R. Vorontsova, G.R. Derzhavin, P.A. Zubov to endow the Senate with the right to pass laws, turning it into a constitutional noble representation, are covered. The discussion of the Senate reform projects in the Secret Committee is traced.

The position of Alexander the First and his inner circle, who opposed the transformation of the Senate into a legislative branch of power and challenged the empowerment of the Senate to control the activities of ministers, is outlined.

A conclusion was formulated according to which the reform of the Senate announced by an imperial Decree on September 8, 1802 did not contain constitutional novelties, since their implementation was not included in the immediate plans of Alexander the First and members of the Secret Committee, who primarily sought to change the order of administrative management of the empire and only then begin to develop and adopt constitution.

Key words: projects for reforming the Senate, constitutional novelties, Emperor Alexander the First, the Secret Committee, Decree of September 8, 1802 "On the rights and duties of the Senate", constitutional limitation of autocracy, legislative branch of government, responsibility of ministers, prerogatives of the autocratic monarch.

For citation: Gogolevskii, A.V., Artamonov, R.D. (2021) Konstitucionnye novelly v reforme Senata 1802 goda [Constitutional novelties in the 1802 Senate reform]. *Leningradskii juridicheskii zhurnal – Leningrad Legal Journal*. No 2 (64). pp. 28–39. DOI 10.35231/18136230_2021_2_28 (In Russian).

Введение

Летом 1801 г. в Негласном комитете, объединившим ближайших друзей императора Александра Первого, развернулась полемика вокруг проекта Коронационной грамоты, в ходе которой некоторые из представителей высшей аристократии обратились к Сенату с тем, чтобы ограничить самодержавие, правда исключительно в свою пользу. Но ведь об устранении самовластия и, следовательно, об ограждении самодержавия законом мечтал император вместе с друзьями своей юности. Казалось бы, два реформаторских течения имели шанс, если не объединиться, то хотя бы, услышав друг друга, учредить первый в истории России институт, противостоящий самовластию. Действительно, вокруг реформы Сената, объявленной императорским Указом 8 сентября 1802 г., разгорелись нешуточные страсти, выявившие прежде всего разное понимание Александром Первым и членами Негласного комитета путей обуздания самовластия. В неприятии же проектов, исходивших от сановной бюрократии и высшей аристократии, они почти не расходились. Планы преобразования Сената вызвали и оживленный обмен мнениями

в литературе о том, следует ли считать некоторые из них проектами аристократической конституции, а возможно, и программой аристократической оппозиции.

Историография правовых оснований деятельности и полномочий Сената

В ранней историографии, М.И. Богданович одним из первых высказал предположение, согласно которому при обсуждении императорского Указа от 5 июня 1801 г. относительно правовых оснований деятельности Сената, граф А.Р. Воронцов и П.В. Завадовский предлагали ослабить самодержавие, наделив Сенат правом распоряжаться государственными доходами и объявлять смертные приговоры без утверждения императором. Коснулся он и мнения Г.Р. Державина, считавшего нужным разделить сосредоточенную в Сенате высшую правительственную власть на законодательную, исполнительную, судебную и оберегательную. Однако, как заключал М.И. Богданович, Александр Первый оставил без внимания все соображения, затрагивавшие прерогативы его самодержавной власти [1, с. 92–93]. Подробнее затронул сенатские конституционные новеллы А.Н. Пыпин. Он сослался на мнение Г.Р. Державина, утверждавшего будто бы А.Р. Воронцов и П.В. Завадовский хотели поколебать неограниченную власть императора, наделив дополнительными правами Сенат. Упомянул А.Н. Пыпин и проект графа П.А. Зубова, превращавший Сенат в законодательное собрание. Подробно осветив обсуждение реформы Сената в Негласном комитете, А.Н. Пыпин сформулировал оригинальный вывод, в значительной степени сказавшийся на дальнейшей историографии. Как он полагал, представленные к рассмотрению в Негласный комитет проекты преобразования Сената отразили «исторически выраставшую потребность» о представительстве, т.е. о разделении властей и конституции [5, с. 90–92]. Попытки ограничить самодержавие при реформе Сената нашли отражение и в поздней историографии. Н.В. Минаева обратилась к составленной в ноябре 1801 г. записке А.Р. Воронцова «О России в начале нынешнего века», допускавшей возможность наделения Сената законодательной или законосовещательной властью. Однако, по ее мнению, А.Р. Воронцов высказывался исключительно в пользу дворянского представительства [4, с. 52].

Подробное описание обращенные против самодержавия проекты Г.Г. Державина и П.А. Зубова нашли в монографии М.М. Сафонова – фундаментальном труде, посвященном анализу правительственной политики начала XIX в. [6, с. 151–160]. А В.Ю. Захаров усмотрел в отклонении Негласным комитетом предложений Г.Р. Державина, А.Р. Воронцова и П.А. Зубова борьбу ближнего круга Александра Первого против объединенной оппозиции сановной бюрократии, стремившейся ограничить власть императора, прибегнув к аристократической конституции [2].

Теоретические и правовые аспекты преобразования полномочий Сената Российской империи

Таким образом, с учетом выводов историографии, позиции Александра Первого и Негласного комитета в связи с преобразованием Сената нужно уделить особе внимание. Как полагал Адам Чарторижский, обращение к реформе Сената можно считать первой практической мерой Негласного комитета, когда он перешел от слов к делу. С целью убедить императора приступить незамедлительно к реформированию администрации, его друзья задумали устроить на даче П.А. Строганова совместный обед членов Негласного комитета, братьев А.Р. и С.Р. Воронцовых и пригласить к обеду Александра Первого, проживавшего рядом с дачей, в Каменноостровском дворце. Император приглашение принял, и обед состоялся 20 июня 1801 г. После него, во время совместной прогулки в саду, братья Воронцовы поочередно принялись убеждать Александра Первого немедленно перейти к преобразованиям, поскольку на них питают надежду и Россия, и Европа. По их мнению, вначале надлежало обратиться к Сенату, вернув ему прежний авторитет, а также наделив той властью, которая могла бы помочь Сенату поддержать императора в дальнейших реформах [3, с. 268].

Как известно, к этому времени П.В. Завадовский, согласно Указу императора от 5 июня 1801 г., уже готовил проект положения о правах и преимуществах Сената, хотя указ предписывал лишь составить выписку из всех указов и постановлений относительно Сената. П.В. Завадовский предложил считать Сенат высшей административной и судебной инстанцией, подчиненной исключительно императору. Обсуждение доклада П.В. Завадовского в 1-м департаменте и в общем собрании Сената прошло 6–26 июля, при чем Г.Р. Державин высказал особое мнение. Согласно ему, Сенат следовало рассматривать как дворянское

представительство с законотворческими полномочиями, когда бы ни один закон не мог обрести силу без обсуждения в общем собрании Сената. Так, 26 июля 1801 г. доклад П.В. Завадовского вместе с особым мнением Г.Р. Державина поступил к Александру Первому, направившего их на отзыв Н.Н. Новосильцову [6, с. 146–155]. Негласный комитет заслушал мнение Н.Н. Новосильцова 5 августа 1801 г. Судя по протокольной записи в публикации М.И. Богдановича, докладчик начал с резкого возражения против придания Сенату законодательных прерогатив, приведя следующие аргументы: 1 – при основании Сената Петр Первый усматривал в нем только подчиненное ему учреждение; 2 – по своему составу Сенат не может пользоваться доверием народа, поскольку «состоит из лиц, назначенных верховной властью», тем самым исключается участие общества в составлении законов; 3 – имея законодательные полномочия такой Сенат, ввиду невежества его членов, мог стать препятствием императору, особенно в случае столкновения верховной власти с правительственными учреждениями. Н.Н. Новосильцов предложил наделить Сенат только судебной властью, преобразовав его в верховную палату суда. Александр Первый с некоторыми колебаниями согласился, но изъявил желание дождаться объяснений Г.Р. Державина. Вместе с тем он высказал свое недовольство состоявшейся дискуссией, поскольку она «не продвигает его ни на шаг к столь желанной им цели – обуздать произвол нашего управления». Члены Негласного комитета постарались его успокоить, высказав мнение об исключительной важности обустройства судебной власти [1, с. 46]. Как видим, друзья императора выступили и против идеи П.В. Завадовского о наделении Сената высшей исполнительной властью, и возразили намерению Г.Р. Державина превратить Сенат в законодательное учреждение. Мотив, видимо, состоял в стремлении сосредоточить преобразования, в том числе их законодательное обеспечение, исключительно в руках императора и Негласного комитета. Законодательный же Сенат, на их взгляд, мог только воспрепятствовать осуществлению плана, одобренного на первом заседании Комитета. Очевидно и недовольство императора позицией, занятой его сподвижниками. Возможно, Александр Первый, еще не вполне освоившийся с положением неограниченного властителя, рассчитывал делегировать Сенату часть своих полномочий, в том числе и законодательных, с тем чтобы не откладывать на потом воплощение в жизнь юношеских идеалов. Колеб-

лясь, он все же затребовал разъяснений Г.Р. Державина, а вердикт членов Негласного комитета утвердил, как сказано у М.И. Богдановича, «не решительно». Poleмика вокруг прерогатив Сената затянулась в Негласном комитете на год. Если подразумевать ограничение самодержавия, то сосредоточилась она на двух проблемах: 1 – законодательные полномочия Сената; 2 – ответственность министров перед Сенатом.

Г.Р. Державин, получив через князя Зубова повеление императора, вскоре представил развернутый проект преобразования Сената. Детально его исследовал М.М. Сафонов [6, с. 159–160]. Согласно ему, кандидаты в сенаторы избирались чиновниками 1–5 классов учреждений обеих столиц, а утверждал их император. В Сенате сосредоточивалась законодательная, исполнительная и судебная власть. С разрешения или по поручению императора проекты законов готовились в комиссии законодательства и после рассмотрения в общем собрании Сената направлялись на высочайшее утверждение. Император мог издавать законы самостоятельно, но с последующим утверждением в Сенате. В случае несогласия, Сенат мог направить императору представление, но если самодержец вносил закон повторно, то Сенат был обязан с ним согласиться. Как орган исполнительной власти Сенат представлял императору кандидатуры губернаторов, вице-губернаторов, руководителей ведомств. Проект А.Р. Державина Негласный комитет рассмотрел в сентябре 1801 г. в Москве, во время коронационных торжеств. В заседании, прошедшем на квартире П.А. Строганова, приняли участие Александр Первый, П.А. Строганов и Н.Н. Новосильцов. Друзья императора вновь высказались против передачи Сенату законодательной власти, поскольку ее итогом могло стать «затруднение правительства». Сослались они также на аналогичное мнение учителя императора, Лагарпа. Александр Первый очертил позицию Лагарпа следующим образом: «он не хочет, чтобы я отказался от власти». Однако император высказался за наделение Сената исполнительной властью, посредством чего он собирался отстранить себя от непосредственного влияния на администрацию, но следить за ней, получая сведения от Сената. Однако члены Негласного комитета вновь выступили против. По их мнению, император должен был «сохранить власть и не стесняться себя». Зная упрямый характер Александра Первого, они в своем мнении не упорствовали, и никакого решения по

высказанной императором идее не последовало [1, с. 48]. Два месяца спустя Александр Первый получил еще одну записку от представителя высшей аристократии – графа А.Р. Воронцова с предложением наделить Сенат законодательными или законосовещательными компетенциями, превратив его тем самым в представительство дворянства [4, с. 52]. Очевидно, по поручению императора заниматься реформой Сената после коронации пришлось П.А. Строганову. Именно он на заседании Негласного комитета 9 декабря 1801 г. прочел свою записку, дав обзор доклада П.В. Завадовского, а также проектов Г.Р. Державина и П. Зубова. П.А. Строганов, как и прежде, высказался против превращения Сената в законодательное собрание, а члены Комитета опять предложили сосредоточить в Сенате только высшую судебную власть. Обсуждение осталось без решения, как и дискуссии вокруг Сената на заседаниях Комитета 30 декабря 1801 г. и 3 января 1802 г. [1, с. 57–59]. Но уже на заседании 10 февраля 1802 г. Негласный комитет при обсуждении записки Адама Чарторыжского о порядке управления по итогам реформ вернулся к идее императора наделить Сенат исполнительной властью. В прениях прозвучало предложение поручить Сенату «надзор за действием всех чиновников», а также вменить в обязанность министрам направлять ежегодные отчеты Сенату, с чем и император, и все члены Комитета полностью согласились [1, с. 65]. А спустя месяц между императором и его друзьями состоялась напряженная дискуссия относительно контрольных полномочий Сената в сопоставлении с прерогативами самодержца. Накануне заседания Негласного комитета 16 марта 1802 г., Александр Первый отвергнул представленный Н.Н. Новосильцовым проект указа, наделявший Сенат правом проверять действия министров и направлять представления императору, если министры ввели бы его в заблуждение. Несогласие императора Н.Н. Новосильцов обсудил с Адамом Чарторижским и П.А. Строгановым. В итоге они пришли к единому мнению: «Права Сената мнимы без ответственности министров». Именно его и огласил Н.Н. Новосильцов при открытии заседания Комитета 16 марта. В ходе возникшей полемики император задал вопрос: «Можно ли предоставить Сенату право, по утверждению доклада Высочайшей подписью, входить с представлением к государю?». Таким образом, император подверг сомне-

нию прерогативы Сената входить с представлением, если действия министра получили высочайшее одобрение, усматривая в нем покушение на авторитет самодержца. Однако участники заседания предприняли попытку развеять его сомнения. Их аргументы свелись к следующему: «...нельзя отнять у Сената права поставить на вид несоответственные общей пользе действия министров, и через то позволять, чтобы государь был обманут». Следовательно, контрольные полномочия Сената должны были не ослаблять, а укреплять самодержавную власть [1, с. 68]. Александр Первый согласился с общим мнением, но, как показали дальнейшие события, ненадолго. В марте же граф А.Р. Воронцов по поручению императора подготовил три проекта Указа о Сенате, свой вариант Указа разрабатывали и члены Комитета. 21 апреля на очередном заседании они вновь попытались склонить Александра Первого к расширенному толкованию контрольных полномочий Сената. Столкновение произошло вокруг порядка ответственности министров. При обсуждении проекта создания министерств Н.Н. Новосильцов предложил, чтобы ежегодные отчеты министров предварительно рассматривались Сенатом и с его заключением направлялись императору. Однако Александр Первый решительно возразил, произнеся: «Таких прав никогда не было предоставлено Сенату, и ... это противоречит назначению Сената, как высшего судилища» [1, с. 82]. Все же после доводов, приведенных Н.Н. Новосильцовым, он уступил и согласился. Как видим, члены Негласного комитета и император словно поменялись местами. С лета 1801 г., возражая Г.Р. Державину, друзья императора склоняли его к той мысли, чтобы превратить Сенат исключительно в высшую судебную инстанцию, без каких-либо законотворческих и контрольных полномочий. Но Александр Первый заявлял о намерении видеть в Сенате посредника между собой и высшей администрацией. Уступая ему, члены Негласного комитета стали склоняться к наделению Сената контрольными полномочиями, но столкнулись с колебаниями и возражениями самодержца. Возможно, перемена взглядов Александра Первого зависела от освоения им своего статуса неограниченного каким-либо законом самодержавного властителя. О сущности русского самодержавия метко сказано в записке В.А. Зубова от 29 апреля 1802 г., брата П.А. Зубова, представленной в работе М.М. Сафонова. Согласно ей, в России источником, началом и концом всех государственных дел выступал государь, как законодатель, судья и

исполнитель собственных своих законов. В империи, поэтому, отсутствовало самостоятельное политическое бытие, поскольку никто не обладал ни правами, ни силой их защищать. Источник права состоял исключительно в переменчивой воле государя, а все государственные силы собирались в одну самодержавную власть [6, с. 218–219]. Поэтому напрасно граф А.Р. Воронцов в своей записке «О внутреннем положении России» от 3 мая 1802 г. призывал, сохраняя самодержавие, наделить Сенат правом обсуждать законопроекты и отклонять их большинством в две трети голосов [4, с. 57]. В итоге частично контрольные полномочия Сената членам Негласного комитета, казалось бы, удалось отстоять. В Указе от 8 сентября 1802 г. о полномочиях Сената¹ значился пункт 9. Он гласил: «Дозволяется Сенату, если бы по общим государственным делам существовал указ, который был бы сопряжен с великими неудобствами в исполнении, или ...не согласен с прочими узаконениями, или же не ясен, представлять о том императорскому величеству, но когда по такому представлению не будет учинено перемены, то остается он в силе». Но первая же попытка Сената воспользоваться «дозволением» отразила безусловную солидарность Александра Первого с мнением В.А. Зубова о самодержце как единственном источнике права. Подробно о ней повествуют князь Адам Чарторижский и Н.К. Шильдер. По докладу военного министра император издал закон о сроках службы дворян – унтер-офицеров, нарушавший положения Жалованной грамоты дворянству. Как следует из мемуаров Адама Чарторижского, один из друзей юности Александра Первого, граф Северин Потоцкий произнес в Сенате речь, призвав направить представление императору, указав на то, что военный министр ввел его в заблуждение. Сенаторы согласились, поскольку считали графа весьма близким к императору. Против, однако, выступил генерал-прокурор Сената, он же министр юстиции Г.Р. Державин. По словам Н.К. Шильдера, когда Г.Р. Державин доложил Александру Первому, что «Сенат весь против него», тот «сильно встревожился и побледнел», однако велел поступать по закону, прибавив, вместе с тем с негодованием: «Я им дам себя знать» [7, с. 101]. Согласно его распоряжению, Сенат направил для разъяснения своей позиции депутацию в составе Г.Р. Державина, графа

¹ Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. 27. СПб.1830. С. 241–245.

А.С. Строганова и Д.П. Трощинского. Ее ожидал весьма холодный прием. Александр Первый не предложил сенаторам садиться, заслушал Д.П. Трощинского и, не вступая в обсуждение, отпустил всех. Вскоре последовал Указ, предписавший Сенату не касаться дел, выходящих за его полномочия. С Александром Первым полностью согласился и более того, подготовил проект Указа, Н.Н. Новосильцов. Но в том нет ничего странного. Ближний круг императора опасался ослабления самодержавной власти Александра Первого, усматривая в нем угрозу своему положению. Но, видимо, соображения тактики, воспрепятствовали ему рассмотреть перспективу. Но о ней уже гораздо позднее высказался в своих воспоминаниях Адам Чарторижский. Как он полагал, конфликт с Сенатом выявил истинный характер Александра Первого, расставшегося с юношескими мечтами об общем благе и готовности ради него пожертвовать своей властью. Ему стали нравиться только разговоры о свободе, позволявшие полагать, будто бы его правительство полно реформаторских замыслов, но воплощения в жизнь ее идеалов он уже не допускал. Мемуарист заключал: «Одним словом, он охотно согласился бы дать свободу всему миру, но при условии, что все добровольно будут подчиняться исключительно его воле» [3, с. 307].

Заключение

Таким образом, реформа Сената, объявленная указом 1802 г., совершенно не сказалась на прерогативах самодержавной власти и не может рассматриваться как мера, относящаяся к правительственному конституционализму и содержащая какие-либо конституционные новеллы. Наоборот, члены Негласного комитета сделали все от них зависящее, чтобы не допустить превращение Сената в законотворческое учреждение. Поэтому, сомнение вызывает заключение князя Адама Чарторижского будто бы первым практическим результатом деятельности Негласного комитета по пути преобразований стал Указ от 8 сентября о Сенате. По словам мемуариста, якобы все после выхода Указа ожидали постепенной эволюции Сената в подобие верхней законодательной палаты [3, с. 272]. Достаточно обратиться к неоднократным высказываниям членов Негласного комитета против наделения Сената законотворческими полномочиями, чтобы оспорить такого рода заключение. Именно

Негласный комитет свел на нет конституционные новеллы, имевшие место в проектах реформы Сената, вышедших из-под пера Г.Р. Державина, А.Р. Воронцова и П.А. Зубова.

Список литературы

1. Богданович М.И. История царствования императора Александра I Россия в его время. Т. I. СПб., 1869. 539 с.
2. Захаров В.Ю. Российский и зарубежный конституционализм конца XVIII – 1-й четверти XIX в. Опыт сравнительно-исторического анализа. Ч. 2. М., 2017. 680 с.
3. Мемуары князя Адама Чарторижского и его переписка с императором Александром I. Том первый. М., 1912. 388 с.
4. Минаева Н.В. Правительственный конституционализм и передовое общественное мнение России в начале XIX века. Саратов, 1982. 290 с.
5. Пыпин А.Н. Общественное движение при Александре I. СПб., 1871. 556 с.
6. Сафонов М.М. Проблема реформ в правительственной политике на рубеже XVIII–XIX вв. Л., 1988. 247 с.
7. Шильдер Н.К. Император Александр Первый. Его жизнь и царствование. Т. II. СПб., 1897. 569 с.

References

1. Bogdanovich, M.I. (1869). *Istoriya carstvovaniya imperatora Aleksandra I Rossiya v ego vremya* [The history of the reign of Emperor Alexander I Russia in his time]. Tom 1. Saint-Peterburg. 539 p. (In Russian).
2. Zakharov, V.Yu. (2017). *Rossijskij i zarubezhnyj konstitucionalizm konca XVIII-1-j chetverti XIX vv. Opyt sravnitel'no-istoricheskogo analiza* [Russian and foreign constitutionalism of the late 18th – 1st quarter of the 19th centuries. The experience of comparative historical analysis]. Part 2. Moscow. 680 p. (In Russian).
3. *Memuary knyazya Adama CHartorizhskogo i ego perepiska s imperatorom Aleksandrom I* [Memoirs of Prince Adam of Czartorizh and his correspondence with Emperor Alexander I]. (1912). Moscow. 388 p. (In Russian).
4. Minaeva, N.V. (1982). *Pravitel'stvennyj konstitucionalizm i peredovoe obshchestvennoe mnenie Rossii v nachale XIX veka* [Government constitutionalism and advanced public opinion in Russia at the beginning of the 19th century]. Saratov. 290 p. (In Russian).
5. Pypin, A.N. (1871). *Obshchestvennoe dvizhenie pri Aleksandre I* [Public movement under Alexander I]. Saint-Petersburg. 556 p. (In Russian).
6. Safonov, M.M. (1988). *Problema reform v pravitel'stvennoj politike na rubezhe XVIII–XIX vv* [The problem of reforms in government policy at the turn of the XVIII–XIX centuries]. Leningrad. 247 p. (In Russian).
7. Shilder, N.K. (1897). *Imperator Aleksandr Pervyj. Ego zhizn' i carstvovanie* [Emperor Alexander the First. His life and reign]. Tom II. Saint-Petersburg. 569 p (In Russian).

Вклад соавторов

Соавторство неделимое.

Co-authors' contribution

Co-authorship is indivisible.

Об авторах

Александр Владимирович Гоголевский, доктор исторических наук, профессор, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, e-mail: a.gogolevskiy@lengu.ru

Роман Дмитриевич Артамонов, аспирант, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, e-mail: romario20@bk.ru

About the authors

Aleksandr V. Gogolevskii, Dr. Sci. (Hist.), Full Professor, Pushkin Leningrad State University, Saint Petersburg, Russian Federation, e-mail: a.gogolevskiy@lengu.ru

Roman D. Artamonov, postgraduate student, Pushkin Leningrad State University, Saint Petersburg, Russian Federation, e-mail: romario20@bk.ru

Поступила в редакцию: 27.04.2021

Received: 27 April 2021

Принята к публикации: 27.05.2021

Accepted: 27 May 2021

Опубликована: 29.06.2021

Published: 29 June 2021